

Вечер ничего не обещал. Несколько минут я разглядывала телефон: очень хотелось позвонить сыну. Однако частые звонки могут быть восприняты свекровью как недоверие с моей стороны, да и мальчику не помешает некоторая самостоятельность. Позвоню в субботу, как договорились. Я поставила на плиту чайник и отправилась в ванную, постояла под душем, накинула махровый халат и вернулась в кухню. Заварила чай, нарезала лимон толстыми дольками и с подносом в руках прошла в комнату. Устроилась в кресле, блаженно прихлебывала чай и прислушивалась к детским голосам во дворе. Потом взяла том Шекспи-

ра в английском издании и погрузилась в чтение.

Погружение было основательным: Шекспира я любила, и роковые страсти леди Макбет меня необычайно волновали. Когда я подняла голову, часы показывали половину одиннадцатого. Детские голоса за окном стихли, Вера Петровна из восьмой зычно крикнула: «Ленька, быстро домой!» — и стало почти тихо. Я сладко потянулась, косясь на лимон, и решила, что не грех выпить еще чайку. Вот тут и раздался звонок в дверь.

В самом факте, что в дверь звонят в это время, не было ничего необычного, но звонок неожиданно внес беспокойство в мою умиротворенную душу: резкий, не прекращающийся, он вызывал тревогу. Бегом я кинулась к двери, с перепугу забыв спросить «кто?», повернула замок, и тут дверь под чьей-то тяжестью распах-

нулась так, что я едва успела отскочить в сторону, и в прихожую, странно согнувшись, вошел человек. Вскинул голову с землисто-бледным лицом, сказал отчетливо: «Помоги» — и рухнул на пол. Я слабо охнула. Человек на полу не шевелился.

— Мамочка моя, — взвизгнула я, опасливо выглянула за дверь и торопливо ее захлопнула. А потом затопталась рядом с гостем. — Послушайте, — вконец растерявшись, шептала я. — Вам плохо? Может быть, вы встанете? — Нет, вставать он не собирался. Лежал, подобрыв под себя руки, совершенно неподвижно и очень страшно. Я опять тихонько взвизгнула и, замирая от страха, присела рядом. — Вы меня слышите?

Я потянула его за плечо. Это оказалось довольно трудным делом: мужчина был крупный. С третьей попытки мне

удалось повернуть его на спину, кожаная куртка распахнулась, на груди, на светло-голубой шелковой рубашке, расплзлось огромное кровавое пятно.

— Боже мой, — прошептала я и увидела его лицо: он смотрел на меня широко распахнутыми мертвыми глазами. Вот тут я заорала по-настоящему. В дверь звонили и стучали. «Юля, Юля, что случилось?» — звала Вера Петровна, а я, заходясь в истерике, топала ногами, вопила: «Помогите, вытащите меня отсюда» — и только минут через пять сообразила отпереть замок.

Выскочив из квартиры, я хлопнулась на чьи-то руки, а в себя пришла уже на диване, от боли. Мне делали укол в вену, врач, молоденькая женщина, что-то говорила ласково, а по комнате расхаживали два милиционера. Я пожалела, что очнулась.

— Вы утверждаете, что никогда его не видели раньше?

— Утверждаю, — кивнула я и потянулась к чаю. Руки противно дрожали, а чай казался безвкусным.

— Значит, не видели. Так. А почему он, по-вашему, пришел именно к вам?

— Потому что у меня первая квартира. Первый этаж, первый подъезд. Все идут. Алкаши за стаканом, электрики за табуреткой, а те, кто номер квартиры любимой девушки запомнил, — за сведениями.

Бывший муж, он сидел в кресле, криво усмехнулся и кивнул.

— Рядом с подъездом мы обнаружили его машину, пока точно не установлено, где совершено нападение и сколько времени после этого он находился за рулем, но ясно одно: он куда-то хотел доехать и оказался у вас. Как вы это объясните?

— Никак, — ответила я. Вопросы мне изрядно надоели, в них не было смысла, потому что ответов я не знала.

— Значит, никак?

— Не дави на нее, — вмешался бывший муж. Лейтенант откашлялся и опять обратился ко мне:

— Может быть, вы встречались раньше, подумайте. Может быть, общие знакомые, может быть, он бывал у вас с подругой? Успокойтесь, подумайте.

— Нечего мне думать, — покачала я головой. — Я его никогда не видела, никогда, и понятия не имею, почему он пришел именно ко мне.

Тут зазвонил телефон. Молоденький бойкий милиционер схватил трубку и передал ее лейтенанту.

— Слушаю, — гаркнул тот. Потом пошли «да», «ясно», после чего он поджал губы и с видимым облегчением передал трубку моему бывшему мужу:

— Валерий Николаевич, паренек этот хорошо в Москве известен и по твоему ведомству проходит.

Тут бывший муж гаркнул:

— Что там? — нахмурился, несколько раз бросил «да» почти с равными промежутками, потом повесил трубку и сказал, глядя на меня: — Да как же это его черт занес в твою квартиру?

Я пожала плечами и заревела.

Мои отношения с милицией последний год были прохладными, точнее, их не было вовсе. Теперь, с моей точки зрения, они стали чересчур обременительными. У меня было ощущение, что я имею дело со слабоумными: и раздражать опасно, и надоедливо очень, поэтому следовало набраться терпения и в сотый раз на вопрос «почему?» отвечать «не знаю». Между прочим, тот же вопрос за-

давала себе я. В самом деле, почему? Проблема была в том, что ответа я не знала...

В конце концов в милиции все-таки утомились и оставили меня в покое. Но покоя в мою душу это не внесло. Из всех сил я пыталась отнестись к происшедшему философски, утешаясь тем, что время пройдет и все забудется. В четверг мои надежды рухнули, как карточный домик. Я даже не удивилась, что все началось со звонка в дверь.

Я выскочила во двор с мусорным ведром, а вернувшись, увидела в подъезде возле своей двери бритого детину зверского вида, который давил на кнопку моего звонка. Первым побуждением было пройти мимо, и я почти прошла, но он обернулся, взглянул на меня, и под этим взглядом я вдруг брякнула:

— Здравствуйте, вы ко мне?

Он внимательно оглядел меня с ног до головы, а я спрятала ведро за спину и подурачки улыбнулась.

— Зовут как? — спросил он.

— Юлия Михайловна, — ответила я, напряженно выжидая: хлопнется бритый в мой коридор или на ногах устоит? Как выяснилось, на ногах он стоял крепко, кивнул и сказал:

— Поговорить надо.

Дрожащей рукой я открыла дверь и прошла в кухню, бритый за мной. Вел он себя нахально, заглянул в комнаты, сунул нос в ванную и даже в туалет, потом сказал, стоя спиной ко мне: «Порядок».

— Что? — не поняла я, ответить он забыл. — Послушайте, вы вообще кто? — разозлилась я и замолчала: в квартире появились еще трое.

«Что ж это я на море не уехала, ведь отпуск у меня», — пронеслось в голове.

Я разглядывала гостей, а они меня. С моей точки зрения, зрелище было удручающим. Хоть телефон и находится под рукой, но позвонить я вряд ли сумею. Поэтому попыток пошевелиться я не делала, сидела на стуле и их разглядывала.

Все четверо были одеты в джинсы и шелковые рубашки. Тот, что ближе ко мне, сверкал бриллиантом на пальце и цепью на шее, у второго цепь была витой, у третьего толщиной в палец и с крестом граммов пятнадцать весом, у четвертого цепь, как у дворовой собаки, так что странно было, как он голову может держать, а крест украшен бриллиантами — из чего я заключила, что он здесь главный. Как оказалось, я ошиблась: главным был обладатель витой цепочки без креста. Он сел, устроившись с возможными удобствами, на моем диване, закурил и сказал как-то лениво:

— Ну, что, расскажи нам, как все было.

— Что? — с трудом сглотнув слюну, спросила я. Он молчал, и остальные молчали, меня надолго не хватило — я спросила опять: — Это про покойника, что ли? — кашлянула и сказала обреченно: — Я уже сто раз рассказывала.

— Расскажи в сто первый, — усмехнулся бритый. Тот, что с витой цепочкой, кивнул типу с бриллиантовым крестом: — Присмотри, — и тот исчез. Я с томлением посмотрела на все четыре угла моей кухни и вздохнула. Пауза затянулась, никого, кроме меня, это, как видно, не волновало. Я поежилась и спросила:

— А вы кто?

— Гиви, — позвал сидящий напротив меня тип, не вынимая сигареты изо рта. Бритый сделал шаг, схватил меня за шею

и ткнул лицом в стол. Я взвыла, он разжал руки, а я стала вытирать кровь из разбитого носа, схватив полотенце, и, не удержавшись, брякнула:

— Псих.

Удар последовал мгновенно, слезы брызнули из глаз, я опять схватила полотенце и уткнулась в него лицом. Спрашивать, кто они, охоты больше не было. Гиви приткнулся возле стола рядышком со мной, скрестив на груди здоровенные ручищи. Я поежилась и сказала жалобно:

— Бить меня не обязательно.

Все трое разом усмехнулись.

— Ну? — открыл рот Гиви.

— Что «ну»? — спросила я и торопливо дернулась в сторону. — Не знаю я ничего. Он позвонил в дверь, я открыла, он упал в коридор. Я испугалась, стала звать на помощь. Приехали «Скорая» и мили-

ция. Он уже умер. — Я поежилась и добавила: — Все.

— Все? — спросил тип напротив, глядя мне в глаза, и под этим взглядом я вдруг поняла, что жизнь моя не стоит и копейки. В его глазах я была ничто, даже меньше, чем ничто. Ему ничего не стоило раздавить меня, как таракана или пачку из-под сигарет. Это было так страшно, так чудовищно страшно, что какое-то мгновение я была близка к обмороку. Выдержать его взгляд было почти невозможно, но необходимо, если я хотела жить. Собрав всю волю, я по-собачьи уставилась в его глаза, то и дело моргая. Он перевел взгляд на Гиви, я опасливо на него покосилась и опять уставилась прямо перед собой с максимальной честностью в глазах.

— Может, ты еще скажешь, почему он к тебе пришел? — спросил Гиви.

Я вздохнула и заунывно начала:

— Ко мне все идут: алкаши за стаканом, электрики за табуреткой... у меня квартира первая.

Они переглянулись, я выжидательно замолчала.

— Еще раз, и подробнее, — сказал тип с витой цепочкой.

Я стала рассказывать с максимальными подробностями, где-то на середине запнулась и попросила:

— Послушайте, мне в туалет нужно. Срочно.

— Что? — переспросил Гиви.

— Не могу я больше, — зло сказала я, морщась от боли, и бросилась в туалет. Там я посидела пару минут, жалобно поскуливая, потом вернулась в кухню, вымыла руки и уселась, сложив ладони на коленях и поджав ноги. — На чем я остановилась? — спросила вежливо, мне ни-

кто не ответил, я сказала: — Ну вот, — и продолжила свое повествование. Оно им не понравилось, это было ясно. Честно говоря, оно и мне не нравилось. Только другого не было. Тип напротив сидел, опершись на локоть, и смотрел исподлобья. Жуткий взгляд. Наконец он заговорил:

— Квартира у тебя первая... Стреляли в него в двух километрах от твоего дома. Он проехал два кэмэ, чтобы позвонить в первую квартиру?

— Я не знаю, почему он проехал два кэмэ. Меня в милиции замучили вопросами, только... — Гиви резко выбросил руку, но я за ним следила: рука зависла в воздухе. Парень, который молча стоял, привалившись спиной к моему холодильнику, неожиданно фыркнул. Я замерла, ожидая, что последует за этим. Гиви удивил меня несказанно: вместо

того чтобы разозлиться, усмехнулся краем губ, выжидательно глядя на старшего. Тот потер ладонью щеку и сказал как-то лениво:

— Может, ты ничего не знаешь, а может быть, тебе так просто кажется. Я думаю, тебе надо помочь.

— Я же не отказываюсь, — вяло заметила я, косясь на Гиви. Тот подошел к плите, зажег все четыре конфорки и вернулся ко мне. В первую секунду я испугалась, что сейчас умру, еще через секунду — что этого не случится.

— Значит, ты его раньше не видела? — спросил Гиви, рывком поднимая меня за шиворот. — Мишка, есть что-нибудь ей пасть заклеить, чтоб не орала? — обратился он к парню у холодильника.

— Не буду я орать, — торопливо заверила я. — Не надо мне пасть заклеивать, и вообще ничего не надо.

— Вот я тебя сейчас на плиту задней посажу, бьюсь об заклад, что-нибудь да вспомнишь.

До плиты была пара шагов.

— Чего вы хотите? — охнула я.

— Помочь тебе вспомнить.

Я почувствовала, как ноги у меня подкосились, и повисла на руках у Гиви. Он явно не шутил, жар плиты доходил и сюда, я уставилась на типа с витой цепочкой и вдруг взвизгнула.

— Не надо, я вспомнила. — Руки разжались, и я мешком осела на пол.

— Вот видишь, — лениво сказал старший, не меняя позы. — Что ты вспомнила?

— Подробно рассказывать? — спросила я.

— Подробно, — кивнул он.

— Мне в туалет надо.

— Перебьешься.

Я покачала головой:

— Нет. Честно, надо.

Он кивнул, а я оказалась в туалете, разглядывала потолок и собиралась с мыслями. Они не радовали.

— Эй, ты! — рявкнул тот, кого звали Мишкой.

— Иду, — с тоской отозвалась я и вернулась в кухню. Газ все еще горел, я вздохнула и сказала:

— У меня сломался телевизор. — Гиви подался вперед, я дернулась и заныла. — Сами же сказали — подробно. — Старший едва заметно кивнул. Гиви сложил на груди руки и замер. — У меня сломался телевизор, а у подруги их два. Один маленький, переносной, с ручкой. И я поехала к ней за телевизором. Но он хоть и маленький, но неудобный. В троллейбусе с ним не поедешь. Я стала машину ловить, и он остановился, то есть этот,

кого убили. Привез меня сюда, денег не взял. Я поблагодарила. А он сказал: «Давайте отнесу» — и отнес. Я предложила выпить кофе, он согласился, мы выпили по чашке, познакомились. Милый человек. Зовут Сережа. Сказал, что из Москвы. А здесь по делам.

— По каким делам? — спросил тип напротив.

— Не знаю, просто сказал: «По делам». Я сказала: «Спасибо, что помогли», а он: «Спасибо за кофе». Я проводила его до двери и села читать. А потом звонок. Открываю, он вошел, сказал: «Помоги» — и упал. Все. Честно, все, — я вздохнула.

— Павел, ты ей веришь? — подал голос Гиви.

Тип с витой цепочкой, которого, как оказалось, звали Павел, долго молчал, потом опять потер щеку и спросил:

— Сколько времени прошло?

— Два часа. Точнее, два часа пятнадцать минут, — добавила я, стараясь быть полезной. — Когда он ушел, я телевизор включила, шли «Вести», а когда в дверь позвонил, я на часы посмотрела, было пятнадцать минут одиннадцатого.

— Ты почему ментам ничего не рассказала?

— Так они спрашивали, знаю ли я его. Так разве я его знаю? Он был здесь десять минут. Чашку кофе выпил. Сережа из Москвы. А потом вошел и умер. Сидел вот здесь, где вы сидите, веселый милый парень, а через два часа умер у меня на глазах. Это как? — Я заскучала, разглядывая свои ноги.

— Ума не приложу, что у него здесь за дела, — покачал головой Гиви.

— Не было у него здесь никаких дел и быть не могло, — отрезал Павел. Поси-

дел, помолчал и спросил: — Ну, что ты нам еще расскажешь?

— Вам что, надо, чтоб я врать начала? Так вы хоть намекните, что у меня фантазия убогая, опять же, боюсь не угодить.

— Поговори, — сурово сказал Гиви, и я примолкла. Павел меня разглядывал. Вид у меня был придурковатый и, с моей точки зрения, чистосердечный.

— Все-таки задницу тебе подпалить стоит, — сказал он, я заревела и стала в туалет проситься. Тут раздался голос бывшего мужа:

— Руки вверх, — и в кухне появился он сам с пистолетом в руке, за его спиной возник тип с алмазным крестом и тоже с пистолетом, сказал ласково:

— Ты железякой-то не балуйся, брось на диван.

По моему мнению, бывший всегда был законченным идиотом. Мишка его обы-

скал, заглянул в документы, хмыкнул и передал их Павлу.

— Мент.

Тот равнодушно взглянул на удостоверение, потом на меня и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Шестой отдел, значит? Интересно.

— Это мой муж, — сообщила я, изо всех сил стараясь быть полезной.

— Ну что, мент? Садись давай, поговорим. — Бывший, его, кстати, зовут Валерка, сел на табурет и принялся всех рассматривать. — Дела такие, — продолжал Павел. — На днях в этой квартире погиб мой брат. Ты знаешь, кто он, значит, знаешь, кто я. Чтобы было совсем ясно, расскажу кое-что из нашей биографии. Папаню мы в глаза не видели, а мать в тюрьму пристроили, когда Сереге было десять, а мне четырнадцать лет. Так что он мне навроде сына. И я паску-

ду, что его убила, из-под земли достану. Каким боком тут твоя жена — сам думай. Все уяснил, мент?

Валерка кивнул, закинул ногу на ногу и запел:

— В нашем городе чепе — из автоматов расстрелян человек. Убийцу мы найдем, и он будет наказан по всей строгости закона. Не вижу повода для разногласий. При чем здесь моя жена?

— Бывшая, — торопливо влезла я.

— Бывшая, — кивнул он.

— В гробу я видел ваш закон. Я сам себе закон. Ясно? А ты, если хочешь свою бывшую живой видеть, поможешь.

Мне это совершенно не понравилось, о чем я не замедлила сказать, жаль, что на меня никто не обращал никакого внимания.

— Грозить мне глупо, — вздохнул Валерка. Правильно, ему что, не его убьют.

— Брось, мент. Скажи путное. Автоматы в вашем городе у кого имеются?

Валерка усмехнулся:

— Мы в него не стреляли. Зачем? Если честно, никто и знать не знал, что он здесь ошивается.

— Во-во, Расскажи-ка нам, кто у вас в городе хозяин.

— Законная власть.

— Ты дурака-то из себя не строй, и так не больно умный. Расскажи-ка нам, мент, про местную братву.

Валерка поразмышлял, я прямо-таки видела, как в голове его медленно крутятся колесики с зубчиками, цепляясь друг за друга.

— Что ж, — сказал он. — Кое-какой информацией я могу поделиться. — Делиться бывший не любил, это я хорошо знала, значит, усмотрел в ситуации ка-

кую-то для себя выгоду и уже мечтал о новой звездочке. Играть в его игры у меня желания не было, я ему в магазине расплачиваться не доверяла, а тут, как ни крути, речь идет о моей жизни. Я злилась, а Валерка информацией делился: — В городе четыре крупные группировки. Номер первый: Матвеев Виктор Васильевич, кличка Мотя, называть его так не рекомендую. Сорок семь лет, рецидивист, наркоман, садист. Рост метр шестьдесят четыре см, лысина, лицо в оспинах, глаза небольшие, темные, зубы — весь перед золотой, на запястье левой руки татуировка: якорь, на пальцах правой имя «Витя». Самый опасный тип в городе на сегодняшний день. Хвастал, что может собрать до пятисот боевиков. Врет. Но банда серьезная, хорошо вооружена. Номер второй: Громов Алек-

сандр Павлович, кличка Боксер, к уголовной ответственности не привлекался, выпорхнул из спортсменов. Оттуда и кличка. Тридцать два года, рост сто семьдесят восемь, красавец, бабник. Волосы темные, глаза тоже темные, большие, нос слегка приплюснут, подбородок с ямочкой. Мотю с его воровскими заморочками ненавидит страшно. Номер третий: Панкратов Алексей Викторович, тридцать два года, бывший воин-интернационалист, отсюда кличка Афганец, его узнаете сразу, ранен был в голову, лицо изувечено. С войны вернулся героем, имеет боевой орден, у него большой авторитет среди афганцев, а их у нас в области много. Уголовников не жалует. Если между Мотей и Боксером начнется война, поддержит Боксера. Номер четвертый: Колеватых Сергей Владимиро-

вич, двадцать семь лет, кличка Косой. Он на Крамарова похож. В шестнадцать лет привлекался за драку, ходят слухи, на зоне себя не показал. В группировке в основном малолетки, но пара автоматов и у него найдется. Мотю боится до судорог, в случае чего — примкнет к нему. Время от времени все собираются в казино, есть у нас такой притон «Встреча», вот там и встречаются.

Пока Валерка памятью бахвалился, я томилась. Словоохотливость бывшего мужа вызывала опасения. Теперь я сомневалась, так уж ли случайно он возник на моей кухне. Размышлять об этом не хотелось, и я, чтобы отвлечься, своих гостей разглядывала. Теперь их физиономии не казались зверскими и особенно страшными. Даже бритый наголо Гиви был симпатичен на особый бандит-

ский манер. Я прикинула: хорошо это или плохо для меня. Выходило, что никак. И в самом деле, какая разница, кто меня убьет: симпатичный с виду парень или не очень. Хотя, из-за врожденного эстетического чувства, симпатичный предпочтительней. Росту в Гиви метра два, бывший далеко не коротышка, но этому и он чуть выше плеча. Здоровенные ручки, грудь и даже шея покрыты густой черной шерстью. Большие темные глаза полуприкрыты веками. Понаблюдав за ним, я решила: этот убьет, только если прикажут. Утешение слабое, и все же... Беспокойство вызывал Мишка: рослый, плечистый, с ярким, запоминающимся лицом, пустыми глазами, лыбится, это пугает. Такому что прикурить, что в затылок выстрелить — все едино.

Витек выглядел обыкновенным парнем тридцати с небольшим лет. Надо по-

лагать, из бывших спортсменов. Он как будто скучал, а на меня и вовсе не обращал внимания. Самой большой проблемой был, конечно, Павел. Рыжеватый блондин с короткой стрижкой и взглядом кобры. Высокий, крепкий мужик, по которому жизнь прошла круто и который сам гулял по ней, не заботясь о том, где пройдут другие. Вот уж о чем и думать тошно, так это о таком враге, как он.

Тут бывший наконец заткнулся, что прервало мои размышления. Павел привычно потер щеку, взглянул исподлобья на Валерку, и я со злорадством отметила, что тот глаза торопливо отвел.

— Что ж, мент, — сказал Павел. — Излагаешь гладко. Значит, любой из четверых. Только просто так из автоматов не палят. Повод нужен. А я его не вижу, — и добавил как будто для себя: — Понять не могу, что он здесь делал.

— Приезжал он трижды за последние два месяца, каждый раз останавливался в «Дружбе», гостиница «Интуриста». Жил по нескольку дней. Тихо, незаметно, гостей не принимал. Обедал в ресторане в одиночестве. Пенсионер, да и только.

Мишка фыркнул и сказал презрительно:

— Это Серега-то?

Но Павел его перебил:

— Вот что, Витек, сгоняй в эту «Дружбу», персонал поспрашивай, ментам могли не сказать, а тебе скажут.

Витек молча кивнул и исчез. Бывший демонстративно посмотрел на часы.

— Беседа наша затянулась, — сказал, ухмыляясь. — А у меня дела.

— Толай, не держу.

— Где вы остановитесь? — Подлец, честное слово, нет бы прямо спросил: «Ког-

да вы уберетесь отсюда?» Павел криво усмехнулся.

— Мы тебе сообщим. И вот еще что. Жена твоя с нами побудет. Ты по-хорошему, и мы по-хорошему, а если... в общем, понимаешь.

— Зачем она вам? — удивился Валерка. — Она-то здесь при чем?

— Может, ни при чем, а может, наоборот. Есть здесь что-то, мент, чувствую. Ты не переживай, твою бывшую не обидим.

Меня это ничуть не успокоило, я попыталась возражать, Павел бросил равнодушно:

— Заткнись. — И я заткнулась.

Валерка кивнул мне и исчез. Я заревела с досады и стала в туалет проситься. В туалет отпустили.

Когда я оттуда вернулась, все трое сидели в моей комнате и тупо пялились в

телевизор. Чтобы не мозолить им глаза, я ушла в спальню, легла на кровать поверх покрывала и стала разглядывать потолок, пытаюсь отгадать загадку тридцатилетней давности: чего это мне так везет?

Вот, к примеру, этот покойник, угрозило его умереть в моей квартире, квартир в городе сколько угодно. Неизвестно, что там Витек раскопает и как это на мне отразится. Валерка тоже хорош. Взял и ушел. Конечно, не просто ушел. Просто так он ничего не делает. Только в его ведомстве мне зарплату не платят, и помогать ему звездочку зарабатывать мне совсем не хочется. И вообще, куда милиция смотрит? Мало того что в моей квартире покойник объявился, теперь еще и бандиты прибыли, и вроде бы никто не видит в этом ничего особенного и спасти меня не спешит.

Черт-те что... Форточка над головой

большая, пролезть в нее я сумею. ОсчастливлЮ бабулек на скамейке. Я покосилась на своих гостей: сидят, в телевизор уставившись. Я приподнялась с постели, косясь на них, а Гиви приподнялся в кресле, косясь на меня. Встать и дверь закрыть. Почему бы и нет? Мало ли что, может, мне переодеться надо. Я встала и дверь прикрыла. Через пять секунд она распахнулась, на пороге стоял Гиви и поинтересовался ехидно:

— На словах поймешь или руками объяснить?

— А что я сделала? — запаниковала я.

— Дверь держи открытой.

— Пожалуйста, — пожала я плечами и опечалилась. Смогу я за пять секунд добежать до форточки и в нее себя пропихнуть? Вопрос. Знать бы, как все обернется, потренировалась бы на время.

Положим, в форточку я протиснусь, а дальше? Вряд ли они старушек на скамейке испугаются, если Валерка, какой-никакой, а милиционер, совсем им не показался? Да, нет к властям уважения. Народ пошел наглый, приезжают, сидят возле телевизора и никого не боятся.

Пожалуй, в форточку лезть не стоит. Ну ее, в самом деле. Еще и застрянешь, чего доброго. Интересно, что Валерка делает? Наверное, сейчас они разрабатывают операцию по моему спасению. Я представила большую комнату. За длинным столом суровые люди в форме, и один из них, самый суровый, в красивом мундире, с серебристой сединой в волосах, говорит: «Мы должны спасти ее любой ценой». Я так расчувствовалась, что едва не всплакнула. Интересно, как меня будут спасать? Переговоры предпочтительней. Эти, конечно, самолет потребуют и де-

